

М

и бесспорно «Олег Табаков, актером та атри «Современники», популярным кинорежиссером, который ставил спектакли и в нашей стране и за рубежом». В частности, в Англии, в Шеффилде, в труппе Питера Джайлса он осуществил постановку гоголевского «Ревизора».

С Табаковым встретились не просто. Он может сразу после окончания спектакля улететь из Москвы ночным рейсом в Ленинград или Берлин, тогда встреча вновь откладывается. Изначли эти результаты не одной, а многих бесед. Да и в и сегодня практически мы расстаемся на несколько месяцев. Ранним утром Олег Табаков улетает на Урал, в Челябинск, на гастроли с «Современниками» — и это только начало программы его перелетов и передвижений.

Иными словами, Табаков очень занятый человек. И когда несколько лет назад друзья узнали, что он начал заниматься с театральным кружком школьников, все только развели руками — жист, который можно было бы перевести так: «Он совещ с ума!»

Олег Павлович! Что заставило вас взять учеников-школьников? Что стояло за этим решением?

Студия

Если ответить коротко, скажу так: наступил срок, когда мне иметь ученика. Но в этой фразе не вся правда. Быть может, это результат овладевшего мной чувства неудовлетворенности. Где в таком случае искать спонтанный выход не застой? Один — браться за то, вокруг себя, что изменилось, и, возможно, в этом будет доля истины. Но так ли уж это плодотворно? Второе решение — начать новое дело. Занятия хлопотнее. Иногда кажется: всё! Брошу! Нет сил. Но ведь и прожитое чувство завершенности и в своем личном творчестве и в театре, знаки рутини, в которую погружаешься, тоже не дают покоя...

И в какую-то минуту несколько лет назад вы пришли на первое занятие в школьный кружок...

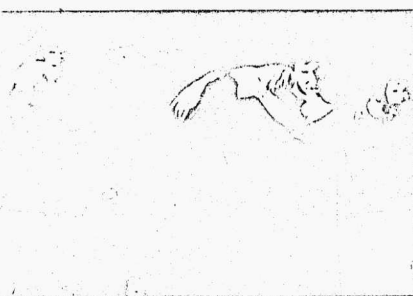
Да, не просто пришел, как добрый дядя, которого школьники знают по кино и театру, а с таким пленом. Есть множество путей начать новое театральное дело. Двадцать с лишним лет назад мы организовали «Современники». Группа молодых актеров, вышедших из студии Художественного театра, уже работавшая в разных театрах, вновь объединилась. У нас была общая мысль, страсть: охватить идеи Станиславского,

идеи Ахмата с близкими соотечественниками, с искусством. А главное, на дворе ведь конец семидесяти годов, у времени другие требования, морки, краски, задачи, проблемы. То, что казалось нам неизменяемым, теперь зачастую звучит нелепо.

И все-таки я, конечно, мечтаю, чтобы мои юные друзья пережили то счастье, которое выпало на долю основателей «Современников». Поэтому, к себе тут поворачиваю. Не выпало, а чтобы ими было завоевано такое счастье.

Олега Табакова

Играют «Маугли». Вверху — студийцы вместе с преподавателем А. Дроздиным, К. Райкиным, А. Лесниевым, О. Табаковым.

дневные перерывы, на своих и чужих квартирах, на клубных сценах, да где угодно...

Когда я пришел к школьникам, мне захотелось вернуть себе те годы и те ощущения. Мне казалось, что можно начать еще раз в той же тональности и с той же экспрессией. Но требовались и новые подходы, решения, приемы. «Современники» создавались более взрослыми людьми. Хочу повторить, что все мы вышли из мхатов-

Человека, коллектива формирует, с моей точки зрения, прежде всего работа. Причем хочу подчеркнуть, что совместные бдения, разговоры, клаты, споры, ссоры хороши так сказать, до утра. Или, наоборот, до вечера. Но надо действовать. По острой разговорности, чтобы начать путешествие, длинное, короткое ли, необходимо сделать первый шаг.

В том школьном кружке мы договорились в какой-то срок ска-

зать друг другу правду. Правду о том, что не все смогут стать актерами, с кем-то придется — и пришлось — расстаться. Но мы остались друзьями, думаю, что никому не помешало то первое приобщение к театру, литературе.

А теперь, Олег Павлович, вы ведаете курс актерского мастерства в Государственном институте театрального искусства с группой своих воспитанников...

Да. К нам присоединились несколько юношей и девушек из других городов. С Сахалина, из Воронежа, Киева... А кроме того, мы создали свою студию.

Присоединились по какому принципу?

Это трудный вопрос. Быть может, пока это только взаимная вера и проверка...

Каким же путем, кроме чтения учебного, происходит процесс выработки единства восприятия искусства, творческого взгляда?

Это не нужно понимать как построение по ранжиру — театральное единство многосложно. В наших планах большая литература. Ее изучение, ее углубленное понимание. Горький, Достоевский, Толстой, Шопенгауэр, Феленкс, Николай Островский, Шукшин, Айтматов, Распутин, Шексмир, Меллер, Стриндберг, Ружавин, Фолкнер... Иногда друзья говорят, что от всего прочитанного и передуманного у них по ночам начинаются галлюцинации.

Я отвечаю: это прекрасно, а вас проследует фантазия!

И потом, нельзя замыкаться в чисто театральные заботы. Мы ведь не только институтский курс на уже студии. Мы зовем к работе людей самых разных профессий, чтобы студийцы получали информацию из первых рук. И это наряду с их образованиями, на которых обсуждаются и самые разные творческие проблемы. Декорации, костюмы, поведение партнеров по спектаклю...

Спектакли уже поставлены студийцами?

Да, несколько... Ий с веской и версиче к тебе, гарей и автор — Николай Островский. Молодой драматург Алексей Казенев взял в основу пьесы письма Островского и мою книгу «Как записывалась сталь». Когда была читка пьесы, ребята сказали: это про нас. Мы уже выпустили спектакль. А еще играем «Маугли» Киплинга. Спектакль этот дал нам возможность добиваться виртуозного движения актеров на сцене. А для юных зрителей мы поставили сказку «Белоснежка и семь гно-

мов». Два первых спектакля... У нас на улице Чапыгина, в «Белоснежку» приютил «Скверный менчик».

В подавляе на улице Чапыгина шла очередная репетиция «Маугли». Затеяли в черной суконной станы небольшого прямоугольного помещения никак не намолили: тс помещенный зал (вариант) во время спектакля размещаются вдоль стен на проходах семейства, совсем не отделанный от сценического пространства. Сидеть гости вполне, и это приваляло все му, что делалось в тот час в подвале, и самой работе, и облику актеров, и некую таинственность. Константин Райкин, актер «Современника» и второй педагог и режиссер студии, в десятый раз привалял «стаю» к кинхронности движений и в блоньер экспрессии. Олег Табаков не вмешивался в работу коллег и, чтобы не мешать ему, продолжил разговор в соседней комнате. В ней размещается весь управленческий и режиссерский аппарат студии — никакой технон. «Нас просто мало», — сказал Табаков. — И это хорошо.

Но что же все-таки лежит в основе единения роли на сцене театра? Ведь он не может просто повторить другой театр, или хочет получить право на жизнь?

Мы хотим создать театр смысла, ума, интеллекта. Но это не дана мода. Теперь ведь принято говорить об интеллектуальном театре — интелектуальном и т. д. Мы хотим найти для жизни человеческого духа на сцене уникальные формы. Чтобы актеры на вершинах профессионализма владели голосом, пластикой. Мы хотим оригинальных авторов. Выбравшись в последнее время театр инсценировок — театр в первую очередь, кагоистический, театр для режиссера, могущего блеснуть своим пониманием литературы. Блеснуть раз, два, а три — уже мостик. Но мы только начинаем. Можно быть, наше дело пока дороже тенденции, чем свершинным. Тенденцией — говорить правду себе и другим, вынимать дурное из себя и из других.

В репетициях студии по вечерам тесно от завершающих зрителей. Тут часто не разберешь, где они, эти зрители, в где актеры, так сливаются лица, так слитна атмосфера...

Да, конечно, или уже почти ночью, когда Олег Табаков и Константин Райкин освобождаются от спектакля в «Современники», идут попросториться и вновь попросториться репетиции. «Прошлись в инсценировку, две стрелы болтае, и «Полосный Журдан» Мольера... Студия обретает облик театра. И студия творит. Они уже паравили на четвертый курс. И не исключено, что совсем скоро театральная Москва мы услышим «А зная, у Табакова».